(318). Это был тот самый «плебейский» аскетизм, который, как указывал Ф. Энгельс, «мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения».[32] Во-вторых, правильно отмеченное здесь «бунтарство» Аввакума вовсе не вступает в противоречие с его «кротостью», потому что проповедником «кротости» Аввакум не был. Его идеология носила не «кроткий» и не «пассивный», а очень активный, воинствующий характер. С полным основанием мы принимаем на вооружение нашей науки справедливые слова М. Горького о том, что Аввакум был «бунтарь-протопоп»[33] и что «язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и „Жития" его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца».[34] По словам А. Н. Толстого, «в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные „житие" и „послания" бунтаря, неистового протопопа Аввакума».[35] Однако, повторяя эти точные и меткие оценки, мы должны задуматься над тем, что если сочинения Аввакума сохраняют такие выдающиеся качества до наших дней, то, очевидно, для своего времени они были «бунтарскими» не только по своему языку и стилю, но прежде всего по своему духу и содержанию.

Для того чтобы подойти к оценке идеологии Аввакума как идеологии «бунтаря» и «мужика», необходимо вообще остановиться на вопросе о том, какой социальный и тактический характер приобретало в изучаемый период движение раскола в его попытках сопротивления репрессивным действиям царской власти и церкви.

«Бунтарский», вооруженный протест раскола против царской внутренней политики наиболее ярко и сильно проявился в восьмилетней борьбе Соловецкого монастыря против царских войск (1668—1676 гг.), а также в попытке вождей раскола опереться на военную силу стрельцов (1682 г.), частично отразился в крестьянских войнах под руководством Степана Разина, а затем и Емельяна Пугачева. «Старообрядцы, — как отмечал К. В. Базилевич, — приняли деятельное участие в народных восстаниях XVIII века».[36] Однако это движение, как и всякое народное движение феодального периода, не могло выдвинуть прогрессивную программу политических преобразований, отличалось идеологической противоречивостью, отсутствием организационного единства, стихийностью, территориальной ограниченностью. Поэтому движение раскола далеко не всегда получало благоприятные возможности для вооруженной борьбы против органов государственной власти. Тем более внимательно должны быть изучены нашими историками неоднократные попытки такой борьбы, предпринимавшиеся народом, главным образом на южных и северных «украинах» Московского государства.

В исторической литературе отмечалось, что распространение раскола среди казачества, в особенности среди казачьей бедноты, вызвало значительные военные действия на Дону. Эти события получили религиозно-повстанческий характер потому, что они опирались на хорошую военную организацию казачества.[37] Меньшее внимание историков привлекало дви-

---

[32] Ф. Энгельс, стр. 377.

[33] М. Горький. Собрание сочинений, т. 29. М., 1955 (далее М. Горький), стр. 246.

[34] Там же, т. 27. М., 1953, стр. 166.

[35] А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. XIII. М., 1949, стр. 362.

[36] К. В. Базилевич, стр. 411.

[37] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, стр. 172—213; Н. М. Никольский, стр. 164—171.